



Анна Одувалова

Чтобы обратить
кого-то в лед,
я сам должен
растаять

Снежный ворон

Анна Сергеевна Одувалова
СНЕЖНЫЙ ворон
Серия «Снежники», книга 1
Серия «Элитное фэнтези
Анны Одуваловой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74668291
Снежный ворон / Анна Одувалова: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-255932-7

Аннотация

Они приходят, когда серая промозглая осень сменяется первым морозом и снежной выюгой. В туманной дымке и в вихре снежинок проносятся над городом и дарят кому-то быстротечную любовь, а кому-то – смерть. Яркую, как искры зимнего солнца на кристаллах льда. И с ними всегда приходит он – любимец Мораны. Заледеневший и утративший горячие чувства, полюбить он уже не в состоянии.

Но так ли это? Может, найдется та, кто сможет растопить замороженное сердце?

Аглая должна была погибнуть, но ее спас парень с неестественно синими глазами и серебряными волосами. Вместе с ним в город пришла зима и... убийства.

Но виноват ли в них любимый сын богини зимы и смерти? Сможет ли он открыть свое сердце или просто заберет с собой еще одну живую душу, превратив случайную девушку в духа зимы?

1. Новинка от топового автора романтического фэнтези Анны Одувальной.
2. Городское фэнтези по мотивам сказки «Снежная королева».
3. Вкрапления славянской мифологии.
4. Сильная героиня и герой, давно забывший, что такое «чувствовать».
5. Стильное оформление от популярного художника ALES.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Одувалова

Снежный ворон

Серия: Элитное фэнтези Анны Одуваловой

Иллюстрация на переплете *ALES*



© Одувалова А.С., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Мелкий морозящий дождь оседает на лобовом стекле машины, которая несётся по вечернему Северску в сторону моста, прозванному местными жителями «Бруклинским». Во многих городах есть пешеходная улица, в просторечье именуемая «Арбатом», а у нас вот – Бруклинский мост, соединяющий два берега Северной Двины, на которых раскинулся город, основанный в начале девятнадцатого века.

Костяшки пальцев на руке, сжимающей руль, побелели. Я вожу уже почти год, но до сих пор не могу расслабиться и вцепляюсь в прохладную кожаную оплётку так, что потом болят мышцы от напряжения. Дурацкая привычка.

За окном вспыхивают и гаснут фонари и вывески, а мокрый асфальт под колёсами сливается в единое разноцветное блестящее полотно. В десять вечера машин немного. Может быть, где-то в центре ещё стоят пробки, но здесь, на подъезде к мосту, поток значительно слабее.

В наушниках бормочет унылый мужской голос, пересказывающий мне Уголовный кодекс. Решение отказаться от музыки за рулём было героическим и трудным. Зато теперь я успеваю готовиться к семинарам. Очень выручает, когда объём информации, который нужно выучить к парам, превышает все разумные пределы.

Дворники скользят по стеклу, смахивая похожие на пыль

дождевые капли, а я радуюсь, что не приходится в промозглую октябрьскую слякоть передвигаться пешком. Я готова молиться на свой «миник» – не новый, но бесконечно любимый. Родители даже после смерти сумели обо мне позаботиться, оставив этот подарок на восемнадцатилетие.

От воспоминаний сердце привычно сжимается.

На панели управления зажигается красная иконка вызова. Это отвлекает от грустных мыслей.

– Алиса, возьми трубку, – командуя я, чтобы не отвлекаться от дороги. Голос начавшей беспокоиться тётки раздаётся в наушниках, сменяя порядком надоевшего лектора, и я отзываюсь, выслушав вопрос: – Да, мне осталось минут пятнадцать!

Отключаюсь и снова сосредотачиваюсь на дороге. У тётки я живу второй месяц – с того момента, как в один день бросила всё в Москве, перевелась в другой университет и вернулась в город детства. Престижный вуз, престижный парень – всё это осталось за тысячу километров отсюда. Жалею ли я? Нет. Там я была несчастна. А здесь? Здесь я пока ещё не поняла. Но хотя бы дышится легче, а за лобовым стеклом мелькают знакомый с детства мост, тёмная вода и огни, отражающиеся в ней.

Я не сразу понимаю, что что-то меняется. Машина становится словно неуправляемой, и зарождающаяся паника вызывает холодную дрожь. Я кручу руль, пытаюсь поймать дорогу, но под колёсами будто разлили масло или образовался

лёд... Не могу понять. Дождь, который оседал на лобовом стекле, превращается в замороженные крупинки, или это у меня просто мутнеет от страха зрение?

Создаётся впечатление, что из дождливого слякотного октября я внезапно попала в холодный и снежный декабрь. Перед глазами начинающаяся вьюга, а машина на летней резине скользит всё быстрее и неумолимее по мосту. Мысли хаотично прыгают, пока я пытаюсь вернуть контроль над ситуацией, но не могу. Да что такое происходит?

Слепят фары автомобилей, летящих навстречу. Они возникают размазанными вспышками в темноте, я, как в долбаном шутере, успеваю вырулить в последнюю минуту, избегая столкновения. Сбрасываю газ, но этого мало. Я словно на полной скорости качусь по стеклу. Истерично дёргаю рулём, пытаюсь не вылететь на встречу, и понимаю, что машина стала совсем неуправляемой. Меня тащит в сторону металлического ограждения моста. Глухой удар и ощущение полёта – последнее, что чувствую перед падением в воду. Это больнее и страшнее, чем кажется, когда смотришь кино.

Глава 1

Ворон Четыре часа назад

Здесь слишком много белого. Воздух густой и прозрачный, словно застывший во времени. Стены плавно перетекают в сводчатый потолок. Свет исходит из ниоткуда: бирюзовые и сиреневые блики прячутся в толще стен, будто в арктических водах, а сверху их покрывает тончайший матовый иней, похожий на сахарную пудру. Он сверкает под невидимыми лучами, и мне кажется, будто я нахожусь внутри идеально огранённого алмаза.

– Звала? – спрашиваю, останавливаясь перед белоснежным диваном, на котором, подогнув под себя ноги, сидит красивая черноволосая женщина. Из тех, кому можно дать и двадцать пять, и сорок. Ухоженная, холёная и холодная. С идеальным макияжем и укладкой, будто она собирается на светский раут.

Сейчас на женщине длинный шёлковый халат с изящным узором из перьев по рукавам, тоже, конечно, белый. В руках книга, которую, я уверен, она не читает, но встречает меня с ней, раскрытой посередине. Марине свойственен драматизм.

– И ты прекрасно знаешь зачем, – отвечает она и медленно

поднимается, сделав несколько шагов навстречу. Останавливается прямо напротив и, чуть задрав голову, смотрит мне в глаза. Сейчас её зовут Марина Снежина, но я помню и другие её имена.

– Нет, – тихо, но уверенно произношу я, отклоняясь в сторону, когда её рука пытается коснуться моей щеки. Она в курсе, что я против. Я понимаю, выбора нет.

Точнее, он есть. Но такой, что ни один здравомыслящий человек в жизни не совершит. Да и нечеловек тоже.

Марина тоже об этом знает. Наверное, мне следовало бы называть её матерью, но... нет, пожалуй, не могу. Хотя Снежана вон привыкла быстро.

Женщина величественно проходит мимо меня и направляется к стеклянному журнальному столику. Пол в помещении холодный и блестящий, как лёд... Точнее, не «как». Мы давно уже не чувствуем царящего здесь холода, а иней, покрывающий стены, кажется элементом декора, напоминая дорогую венецианскую штукатурку.

– Держи. – Марина берёт со столика фотографию и протягивает её мне. Я демонстративно прячу руки в карманы. – Ты знаешь, что делать.

– Знаю, – отвечаю я и разворачиваюсь к выходу.

– Игра должна начаться сегодня, Иван! – настойчиво произносит она мне в спину.

Я лишь раздражённо дёргаю плечом. Могла бы и не напоминать. И без неё тошно. О таком не забудешь.

– Эта зима последняя, мои силы слабеют, и я рассчитываю на тебя. Это твой долг.

Киваю и ухожу прочь.

Следующие несколько часов бесцельно мотаюсь по улицам города, стараясь остаться незамеченным. Позёмкой скольжу под ногами прохожих. Они вздрагивают от внезапного холода, с удивлением оборачиваются, заметив неожиданный снег в октябре, и решают, что им показалось. Ветром выворачиваю зонты наизнанку, а когда тенью взмываю над крышами, мелкий промозглый осенний дождь начинает кружиться снежинками. Хотя на мокрые тротуары они всё равно падают редкими ледяными каплями, тая, едва коснувшись земли.

Налетавшись, устраиваюсь на своём любимом месте – на высоких железных опорах «Бруклинского» моста. Свешиваю ноги в пустоту, чувствуя, как холод металла проникает сквозь ткань джинсов. Внизу, в чёрной глади воды, отражаются огни города: тусклые, размытые, словно утонувшие звёзды. Вдалеке мерцают окна домов, а вблизи прорезают темноту слепящие фары машин, оставляя за собой шлейф рыжего света на мокром асфальте.

Замечаю маленькую красную машинку, которая мчится уверенно, резво вырываясь из потока. Ловлю её взглядом, и в этот миг что-то меняется. Колёса теряют сцепление, и автомобиль, словно в замедленной съёмке, разворачивается, скользит к краю моста и срывается за ограждение в чёр-

ную воду. Фары на мгновение вспыхивают под поверхностью, будто делают последний вдох, и гаснут.

Аглая

Падение оказывается настолько стремительным, что я не успеваю даже толком ничего понять. В голове проносятся обрывки мыслей, но их смывает прочь нарастающий гул в ушах и леденящее осознание: «Это действительно происходит со мной».

Руки действуют на автомате. Я успеваю шлёпнуть по кнопке стеклоподъёмника. Потом практически сразу же следует удар. Глухой, тяжёлый, вдавливающий весь мир в грудную клетку. Меня отбрасывает на руль, и я чувствую, как в лёгких заканчивается воздух. Подушки безопасности в моём старом «Купере» могли бы смягчить этот удар, но их давно нет. Возможно, сейчас это даже к лучшему, ничего не мешает в салоне, уже наполняющемся ледяной водой.

Сердце дико и неровно колотится где-то в горле. Я судорожно дёргаю за ремень безопасности. Клинит. Или это мои пальцы, одеревеневшие от ужаса, не могут нащупать привычную кнопку? Вода уже хлупает у щиколоток. Обжигающе холодная, чернильная в полумраке, она поднимается с пугающей быстротой, обволакивает ноги, бёдра, талию.

Я сжимаю пальцы, впиваясь ногтями в пластик, дёргаю ремень с мольбой и проклятием одновременно. Щёлк. Ре-

мень поддаётся, и я получаю долгожданную свободу, но счёт уже идёт на секунды, мне холодно и страшно.

Ледяная вода обжигает кожу, высасывает тепло из костей. Пальцев на ногах я не чувствую вовсе, они стали чужими. Единственная мысль, стучащая в висках: «Выбраться. Быстрее».

Цепляюсь за край открытого окна и подтягиваюсь. Это только кажется, что вылезти через окно легко. Машина практически под водой, и я заполошно хватаю ртом остатки воздуха. Всё же протискиваюсь в окно полностью. Нога застревает, цепляясь то ли за ремень, то ли ещё за что-то, и меня на миг охватывает дикий, животный страх. Выворачиваюсь, соскальзываю в ледяную пустоту и ухожу с головой под воду.

Тишина здесь оглушающая и до невозможности холодная. Мне кажется, внутренности превращаются в лёд, а мир перестаёт существовать, даже дышать не надо...

Это открытие пугает, и я рывком вынырываю. Судорожно хватаю ртом колючий морозный воздух, больше похожий на осколки льда. Руки и ноги двигаются плохо. Они словно налиты свинцом и связаны невидимыми верёвками. Но инстинкт самосохранения оказывается сильнее.

Выжить. Чёрная вода и желание не уйти в пучину с головой. Больше ничего не существует. Ни прошлого, ни будущего. Только этот миг, холод и тусклые огни города вдалеке. Река здесь неширокая, я умею плавать... Но холод сковывает мышцы, вытягивая из тела последние силы. Темнота не

просто вокруг меня, она проникает внутрь, нащёптывая, что можно просто закрыть глаза и перестать бороться.

Но я плыву. Потому что, кроме этого чудовищного холода и темноты, есть ещё одна вещь: яростное, неистовое желание жить, бьющееся в груди в такт замерзающему сердцу. Верю, моё падение кто-нибудь видел и, может быть, вызвал спасателей. Мне просто нужно немного помочь им сохранить мою жизнь. Мне необходимо просто не сдаваться, даже если тяжёлые осенние ботинки, куртка и общая слабость неумолимо утягивают на дно.

Сил больше нет. Тело превращается в тяжёлое мокрое бревно. Я даже не чувствую, где заканчиваются мои руки и начинается вода. Мы смешались с ней, стали одним целым. Холод уже не жжёт, он просто есть, он стал мной, заполнил каждую клетку, вытеснил всё остальное. Сердце ещё бьётся, но где-то далеко за толстой стеной льда, в который превращается моё тело. И когда я уже почти готова сдаться, закрыть глаза и позволить этой чёрной бездне забрать меня к тишине и покою, чувствую, как кто-то хватает меня за руку. Стальные, нечеловечески сильные пальцы смыкаются на запястье. Хватка крепкая, но я не чувствую боли, хотя, кажется, должна бы.

Я дёргаюсь навстречу. Мной движет отчаянное нежелание умирать, которое бьётся где-то под рёбрами загнанной птицы. Я хватаюсь за жизнь вопреки всему: ускользающему сознанию и пробирающему до костей холоду.

Ничего не вижу и уже не могу определить, где верх, где низ. Мир перевернулся и перестал существовать. Не осознаю – я уже на поверхности или ещё под водой. Есть только холод, темнота и рука, которая держит меня мёртвой хваткой.

Последнее, что ощущаю перед тем, как сознание начинает гаснуть, – резкий рывок. Меня выдёргивает из воды, как пробку из бутылки. Вода не хочет отпускать, тянет назад, облизывает ноги, цепляется за ботинки, но тот, кто держит меня за руку, оказывается сильнее.

Время замирает. А в следующий миг я чувствую под лопатками что-то твёрдое. Земля. Мелкие камни. Пахнет гнилыми листьями, тиной, прелой травой и ещё чем-то живым, настоящим. Я на берегу.

Тьма перед глазами медленно рассеивается, и прямо перед собой я вижу глаза. Неестественные. Голубые, как весеннее небо, которое бывает только в апреле, когда лёд на реке уже сошёл, но воздух ещё прозрачен, звонок и пахнет талой водой. Чистые, яркие, в обрамлении жёстких чёрных ресниц. Мой мир сузился до них, я даже лица своего спасителя разобрать не могу.

Пытаюсь что-то сказать. «Спасибо». «Кто вы?» «Что происходит?» Губы шевелятся, но из горла вырывается только сиплый надорванный хрип. Язык не слушается. Я даже имени своего вспомнить не могу, в голове туман.

– У тебя в глазах снежинки... – наконец выдаю я информацию, которая почему-то сейчас кажется очень важной.

Моих губ касается ледяной палец. Настолько холодный, что я вздрагиваю. Странно, я думала, что уже не чувствую холода.

– Тсс-с...

Испуганно моргаю, пытаюсь удержать это лицо в фокусе, но веки тяжелеют, и я проваливаюсь в густую, вязкую пустоту.

Прихожу в себя будто бы через мгновение. Или спустя вечность. Время спуталось и потеряло всякий смысл. Надо мной склонился мужчина средних лет, с красными от холода щеками и тёмными кругами под глазами. Заметив, что я очнулась, он кричит куда-то в сторону:

– Сюда! Быстрее! Она пришла в себя! Давайте носилки!

Медленно поворачиваю голову, она кажется невероятно тяжёлой. Я по-прежнему лежу на земле, но сейчас закутана в несколько тяжёлых одеял. Ко мне уже бегут люди в ярких жилетах, светящихся в темноте неоновом-оранжевым, тащат носилки, гремят чем-то. Вокруг суeta, крики, тишину разрывает вой сирены. Всё смешалось: свет фар, режущий глаза, вспышки фонарей, мечущиеся тени, чьи-то руки, трогающие меня, шупающие пульс.

Ловлю обрывки фраз вокруг. «Падение с моста», «Очевидец позвонил в 112», «Чудо, что выбралась, в такой воде больше пяти минут не живут», «Везём в городскую, срочно, гипотермия сильнейшая». Из контекста собираю картинку по кусочкам: кто-то видел, как моя красная машинка со-

рвалась в воду, и вызвал спасателей. Меня нашли на берегу. Живую. Сейчас повезут в больницу.

– Как ты себя чувствуешь? – Надо мной склоняется женщина в синей форме фельдшера. Она держит мою руку, считает пульс, и пальцы у неё тёплые, живые, и это тепло проникает под кожу, щекочет, отдаётся где-то в груди. – Слышишь меня? Головой не ударялась? Давай не спи!

Я только слабо и неуверенно пожимаю плечами. Сама не знаю. Внутри пустота и странное оцепенение. Холод уже не чувствуется, тело ватное, будто я не здесь, будто всё это происходит не со мной, а с кем-то другим, а я просто смотрю кино со стороны. Но мне не больно и кажется, что всё в порядке. Но, возможно, я ошибаюсь.

Снова обвожу взглядом берег. Медленно, с усилием, вглядываясь в каждое лицо. Спасатели в жёлтых куртках с полосами светоотражайки, зеваки за оцеплением, полицейские с серьёзными лицами, врачи, суetyащиеся вокруг носилок. Того, кто вытащил меня из воды, нет. Только мокрые камни, грязь, мельтешение людей и чёрная река, в которой остался мой маленький «миник», документы, телефон...

Сейчас, в этом шуме, хаосе, среди чужих лиц, я уже начинаю сомневаться: а был ли вообще мой спаситель? Может, он просто мне привиделся? Но могла ли я выбраться сама? Очень сильно сомневаюсь.

– Тебе повезло, – говорит мужчина в форме, остановившись возле моих носилок. Он смотрит на меня с одобрени-

ем. – Ты сильная и справишься. Не каждый здоровый мужик бы смог выбраться из тонущей машины и доплыть в ледяной воде. Считай, второй раз родилась.

Я хочу сказать, что выбралась не сама, что мне помогли, но мой спаситель исчез, и, похоже, его видела только я. Или не видела... Сама уже сомневаюсь, поэтому лишь слабо киваю, улыбаюсь и молчу. Какая, собственно, разница? Главное, я жива.

Меня начинает трясти. Мелко и противно. Зубы выбивают дробь. Сознание снова ускользает. Я медленно, неумолимо уползаю обратно в спасительное небытие. Фоном слышу, как что-то говорит фельдшер, как меня грузят в машину скорой помощи и она мчит в город. Со мной всё будет хорошо. Нужно просто поспать.

Город утопает в метели, которая растворяется в воздухе, опадая мелкой моросью на мокрый асфальт. На высоких опорах «Бруклинского» моста, там, где стальные конструкции уходят в темноту, стоят двое. Высокая черноволосая женщина в длинном белом одеянии – тяжёлая ткань струится на ветру, мерцает, будто соткана из снега. И молодой мужчина с по-военному короткой стрижкой и бесстрастным, застывшим взглядом. Он слегка придерживает женщину под локоть, хотя в этом нет никакой необходимости. Черноволосая уверенно балансирует на такой высоте, кажется, не испытывая неудобства.

Внизу по мосту проносятся машины, освещая жёлтым светом фар мокрый асфальт, мелкие капли ещё не снег, но уже и не дождь, сверкают в лучах. Под мостом столпотворение: мигалки разрывают ночь синими и красными вспышками, воеет сирена скорой, суетятся люди.

Пару на мосту никто не видит. Они словно два призрака, сотканные из снежинок и лунного света – бесплотные, чужие этому миру.

– Он всё же сделал правильный выбор, – удовлетворённо говорит женщина. Голос у неё низкий, бархатный, в нём слышится шелест метели. На бледном, безупречно красивом лице появляется холодная, отстранённая улыбка.

– Ты сомневалась? – интересуется мужчина, не поворачивая головы. Он пристально, не мигая, смотрит вниз, на то, как в машину скорой помощи заносят на носилках тело маленькой хрупкой девушки. Отсюда, с высоты, не разобрать, жива она или нет.

– Иван умеет удивлять, – резко отвечает женщина.

Мужчина коротко хмыкает. Этот звук – первый намёк на эмоцию. Он заставляет женщину повернуться. Ноздри её гневно раздуваются, в глазах вспыхивает что-то древнее и опасное.

– Не стоит его недооценивать, – холодно замечает она. – Ты слишком мало его знаешь.

Сказав это, женщина срывается с моста, рассыпаясь на тысячи снежинок, превращаясь в белый вихрь. Мужчина

следует за ней, делая шаг в пустоту и растворяясь в порыве ветра, уносящего снежную крупу в чёрное небо над рекой. На опорах моста остаётся только иней. Едва заметный, мерцающий в свете фонарей.

Ворон

Захожу в двухэтажный особняк девятнадцатого века, где мы обосновались. На первом этаже, в отличие от подвала, где обосновалась Марина, значительно теплее. Конечно, не для простого смертного. Температура редко поднимается выше ноля градусов. Зато стены инеем не покрыты, поэтому Марине тут некомфортно, в её покоях всегда минус.

Просторная светлая кухня-гостиная освещена тусклыми светильниками, в воздухе витает запах кофе. Этот напиток стал связующим звеном между явью и навью. Не то чтобы он нужен нам, но мы продолжаем его пить, играя в людей, и это нам нравится. Всем.

В кресле сидит Снежана, закинув длинные ноги на подлокотник. Ей восемнадцать. Красивая и капризная – весь подростковый бунт в одном-единственном существе с пепельными волосами и ледяными голубыми глазами. Увидев меня, она отрывается от телефона и подскакивает, взирая с тревогой и любопытством. Остальные спокойнее: Леда не поднимает глаз от планшета. Даже для нас она слишком замороженная. Ледогор и Кай стоят у бильярдного стола. Шары

уже разбиты, но, видимо, игра не идёт. Ловлю взгляд Гора и чувствую, как по спине пробегает холодок. Мы недолюбливаем друг друга. Он считает, будто Марина уделяет мне слишком много времени и внимания, а я не спешу ему объяснять, почему это так. Искренне уверен, что это его не касается. Ну и его раздражение, агрессия, которую он не может подавить, – это тоже что-то из того мира, который я почти отринул. Эмоции, как и кофе, не дают мне забыть о том, что человеческое во мне всё же осталось.

Когда прохожу мимо, создаётся впечатление, что всем всё равно, но это не так. Снежана не выдерживает первая.

– Как всё прошло?

Разговаривать настроения нет, но Снежана ещё маленькая, с ней так нельзя. Поэтому выдавливаю кривую улыбку и отвечаю:

– Всё хорошо, Снеж. По плану.

– Не-е! – возмущается она. – Так не пойдёт! Я хочу подробностей! Какой у тебя план? А у неё?

Это уже слишком, поэтому просто взъерошиваю ей волосы. Она фыркает, как дикая кошка, и выворачивается.

– Это нечестно!

– Как есть, – говорю отстранённо.

– Ты не в курсе, что наш господин Ледяное Совершенство не посвящает в свои планы простых смертных? – замечает Ледогор, но я не реагирую на агрессию. Слишком это всё предсказуемо и неинтересно. Даже Снежане.

– Ты просто завидуе-ешь, – тянет она, краем глаза замечаю, как показывает язык Ледогору, который сильнее сжимает челюсти, но всё же на провокацию не ведётся.

Я не слушаю дальше препирательства, просто ухожу на второй этаж в свою комнату. Они и так всё скоро узнают.

Глава 2

Аглая Неделю спустя

За окном удивительная осенняя мерзость. Дождь превращается в снег, который, не долетев до земли, тает. Серое небо низко нависает над городом, и кажется, будто весь мир застыл в этом бесконечном переходном периоде: ни зима, ни осень, ни свет, ни тьма. Капли стекают по стеклу, оставляя мокрые дорожки, а иногда в них запутываются редкие снежинки. Кружат, цепляются за карниз и исчезают, так и не долетев до земли.

Горло уже почти не болит, и я перестала просыпаться по ночам от кошмаров. Даже неестественно-синие глаза моего спасителя сегодня не снились. Наверное, я прихожу в себя. Медленно, но возвращаюсь к жизни. Все вокруг твердят, что мне повезло, но я слишком рациональна, чтобы всерьёз поверить в везение. Чем больше времени проходит, тем меньше я верю в таинственного незнакомца, который вытащил меня из воды и исчез. Это ещё менее логично, чем предположение о сказочном везении. Скорее уж я сама выбралась – адреналин, инстинкты, отчаяние. Так проще. Так правильнее.

В комнате – кофе, который я забыла допить. Я закутана в пушистый плед почти до подбородка, хотя батареи греют хорошо. После той ночи я постоянно мёрзну, даже когда в комнате тепло. Холод поселился где-то внутри и никак не хочет уходить.

– Ну поехали... – гундит из телефона Вероника, которая вот уже час уговаривает меня выбраться на вечеринку. По модной теперь традиции её называют «Тыквенный день», хотя на деле это обычная ночная тусовка, мало чем отличающаяся от ставшего непопулярным праздника нечисти. Просто название другое, а суть и антураж те же: музыка, люди, маски, попытки веселиться до утра.

Не то чтобы я не хочу. Просто чувствую себя слабой после болезни, да и учёбу надо подтягивать. Столько пропустила, пока валялась с температурой и слушала, как Марта пересказывает прочитанные ею книжки по мифологии. Поэтому я вяло пытаюсь отбиться от Вероники, хотя понимаю, что та не отстанет.

Телефон стоит на подоконнике в держателе, и мы общаемся по видеосвязи. Вероника красится: ловко выводит длинные чёрные стрелки, то и дело отвлекаясь, чтобы прищуриться и оценить результат. А я листаю учебники, разложенные вокруг на кровати. Конспекты, маркеры, стикеры – всё разложено по стопочкам, всё подписано. Люблю быть лучшей. Люблю значительно больше, чем вечеринки.

– Не-е, Вероник, наверное, всё же останусь дома, – тяну

я, но в голосе уже нет уверенности.

– Насидишься дома, когда постареешь и тебя перестанут звать на вечеринки! – раздаётся от двери.

Марта входит, как всегда, без спроса, но совершенно этим не раздражает. Марта – это не про нарушение личных границ. Это про творческую забывчивость и любовь ко всему миру. Она не пытается вторгнуться в моё пространство, просто не всегда понимает, где оно начинается. Сейчас тётя стоит, облокотившись о стену, и улыбается. На щеке виднеется след синей краски, который она забыла или не посчитала нужным оттереть. А может быть, просто не заметила. Тёмные волосы, завивающиеся мелкими кудряшками, перехвачены алым платком, и в этом платке, в крупных серьгах, в браслетах на тонких запястьях она напоминает цыганку. Домашняя одежда вся в пятнах от краски, которая уже не отстирывается, въелась в ткань навсегда, стала частью рисунка.

– Вот! Я слышу голос Марты! – оживляется Вероника. – Она, как всегда, права! Аглая, я еду за тобой!

Подруга отключается, не дожидаясь ответа, а я остаюсь сидеть в кровати и только плотнее закутываюсь в плед. Ворс щекочет щёку, пахнет кондиционером и чем-то домашним, уютным.

– Я не поеду, – обращаюсь к тёте, но в голосе уже слышна обречённость.

– Почему? – Марта чуть склоняет голову, серьги покачиваются, тусклый свет из окна бликует на потемневшей брон-

зе.

– Пропустила много по учёбе. Надо подготовить доклад, повторить материалы лекций... – поясняю я, обводя рукой разбросанные по кровати конспекты и учебники. Тут же стоит открытый ноутбук, который я отложила, пока болтала с подругой. На экране статья по уголовному праву.

Марта – художница. Полная моя противоположность. Возможно, поэтому мы неплохо уживаемся. Она олицетворяет хаос, а я – порядок. Она живёт чувствами, я – расчётом. Она создает совершенно нереальные картины, а я штудирую кодексы и пишу конспекты. Но почему-то именно в её хаосе я чувствую себя в безопасности.

– Хочешь пропустить ещё больше? – лукаво интересуется Марта, изогнув чёрную характерную бровь.

Она намекает на жизнь. На то, что я могу пропустить что-то важное, пока сижу над учебниками. Марта сама окончила творческий вуз лет десять назад. Всё время учёбы она в основном рисовала, участвовала в выставках, каталась по стране, реставрируя храмы и расписывая стены, собирала декорации для театров, участвовала в перформансах. Жила полной жизнью, напрочь игнорируя общеобразовательные предметы. Преподаватели относились к этому с пониманием – искренне недоумевая, зачем людям искусства история.

А Марта тоже всегда удивляется, зачем мне целыми днями корпеть над учебниками, когда жизнь проходит мимо. Обычно она не мешает, проявляя настойчивость только в та-

кие моменты, когда чувствует, что я закапываюсь.

– Думаешь, стоит пойти? – с тоской уточняю я, и Марта утвердительно кивает.

– Ты же собиралась до трагедии. Не дай ей сломать тебя. Возвращайся в привычную жизнь. – Она говорит мягко, но с твёрдой уверенностью. – А учёба... ты всё догонишь. Поверь. Ты же у меня умница.

Она подходит ближе и присаживается на край кровати. Матрас прогибается под её весом, и я чуть съезжаю в сторону. Марта притягивает меня к себе, чмокает в макушку, и я чувствую, как её пальцы перебирают мои волосы – легонько, успокаивающе. Я обнимаю её в ответ, утыкаюсь носом в плечо и вдыхаю такой знакомый, родной запах. Краски, скипидара, кофе и ещё чего-то тёплого, неуловимого, чем пахнет только она. Марта пахнет домом.

Осмысливаю её слова и наконец нехотя киваю:

– Хорошо, пожалуй, ты права. К тому же Вероника всё равно не отстанет. А если я буду упрямиться, то и сама не поедет, явится сюда и весь вечер будет нудеть и рассказывать, чего мы с ней лишились, отказавшись. Хотя я не прошу её менять свои планы ради меня. Я бы вот не стала! Мы же не попугайчики-неразлучники.

Марта хмыкает и поднимается с кровати.

– Вот и умница. Я знала, что ты у меня сильная и боевая. Наша порода. Солнцевы никогда не сдаются.

– Да уж... – невесело замечаю я, и в голове привычно

вспыхивает воспоминание о родителях. Они тоже не сдавались до последнего, так и сгорели на работе, оставив меня и Марту одних. Каково ей было взять ответственность за чужого ребёнка? Она ведь сама всего на двенадцать лет меня старше. Но я не люблю про это вспоминать и не позволяю думать. Потому что Солнцевы сильные. И не сдаются.

Отворачиваюсь к шкафу, тяну на себя дверцу, изнутри пахнет лавандовым саше, которое Марта засунула куда-то на верхнюю полку ещё в прошлом месяце. Зависаю, уставившись на идеально развешанные плечики. Платья висят ровными рядами: чёрное, серое, тёмно-синее. Дальше – блузки, белые и кремовые, пара красных. Под настроение я люблю этот цвет. Костюмы – несколько с юбками и один брючный. Ни пылинки, ни складочки. И ничего такого, в чём можно было бы пойти на тематическую вечеринку.

– Можешь заглянуть в мой шкаф, – слышится за спиной насмешливое. Марта стоит, прислонившись плечом к косяку, скрестив руки на груди. В свете настольной лампы блестят её серьги-кольца.

Представляю её комнату по ту сторону коридора. Цветастые юбки в пол, летящие блузы с рукавами-фонариками, корсеты, расшитые бисером, обувь ручной работы, от которой пахнет кожей и морилкой. На мне это будет смотреться очень странно. Даже для вечеринки такое буйство красок – перебор.

– Спасибо, я сама, – бормочу и продолжаю гипнотизиро-

вать свою одежду.

Может, надеть чёрное узкое платье? Скромно, но сидит хорошо – облегает, подчёркивает талию, и оно достаточно короткое, ноги тоже видно, а они у меня ничего. Или красную юбку и чёрную блузку? Слишком офисно. Буду выглядеть, будто сбежала с совещания. В общем, стоит признать: на костюмированной вечеринке я могу быть только строгой училкой. Злой, с указкой наперевес.

На том и решаю. Чёрная юбка-карандаш до середины икры, которую обычно ношу с пиджаком на пары, когда нужно выглядеть старше. Белая блуза из тонкого хлопка, с длинным рукавом и мелкими пуговицами. В комплект идут чёрные туфли-лодочки на высоченной шпильке, которыми я натёрла мозоли в прошлый раз, и очки в чёрной оправе и без диоптрий. Ну и, конечно, красная помада. Куда же без неё? Образ почти готов.

Пока я буравлю шкаф взглядом, в прихожей раздаётся трель домофона. Марта выходит, цокая каблучками домашних туфель по паркету. Слышу, как открывается дверь, и через минуту раздаётся задорный голос Вероники. Они уже о чём-то треплются с Мартой, смеются, перебивают друг друга.

Эти двое похожи гораздо больше, чем мы с тётей. Словно Вероника её настоящая племянница. Обе такие открытые, громкие, с энергией, которая переливается через край. Я даже в мыслях не могу на них обижаться. Наоборот, радуюсь,

что жизнь послала мне их. Иначе я выросла бы совсем унылой и нелюдистой, запертой в своих конспектах и расписаниях.

– О! Даже не лежишь в обнимку с книгой? Молодец! – Вероника влетает в комнату и тут же вручает мне большой бумажный пакет, а сама сразу плюхается в кресло у окна. пышная розовая юбка взлетает и медленно оседает волнами вокруг изящных коленей.

В пакете аккуратно сложенное чёрное платье с белым отложным воротником и чёрный парик с двумя косами. Костюм Уэнсдей.

– Думаешь, актуально в этом сезоне? – Я вытаскиваю платье и внимательно его рассматриваю. Ткань приятная, плотная, пахнет новой вещью и упаковочной бумагой. Даже гладить не нужно. Материал немнущийся.

– Думаю, против натуры не погрёшь. Тебе подходит. Давай собирайся быстрее, мы и так уже опоздали.

Вероника сегодня в образе Барби. Нестареющая классика, которая ей удивительно идёт. Длинные белокурые волосы завиты крупными локонами – они пружинят и подпрыгивают при каждом движении. Ресницы наклеены такие длинные, что кажется, будто она ими обмахивается, как веером. Губы блестят розовым глянецом, и даже отсюда чувствуется сладковатый запах её блеска. То ли клубника, то ли жевательная резинка. И ни за что не скажешь, что в этом кресле сидит будущий юрист, специалист по уголовному праву, который

на семинарах цитирует УК так, будто сама его писала.

Я переодеваюсь. Платье садится по фигуре, где нужно, облегает, но не жмёт. Подхожу к зеркалу на дверце шкафа. Я невысокая, худенькая, после болезни ещё и бледная – кожа кажется почти прозрачной, особенно на фоне чёрной ткани. Макияж не нужен – и без него вид достаточно мрачный. Не то чтобы я против косметики, но сегодня нет ни сил, ни желания возиться.

Надеваю плотные белые колготки и чёрные ботинки типа совсем осеннего варианта лоферов. Удобные, на низком устойчивом каблуке. В них можно танцевать всю ночь, если такое желание вдруг возникнет.

Надеваю парик, полностью погружаюсь в образ готической девушки не от мира сего. Никогда бы не подумала, но это и правда мой типаж. Хмурая, нелюдимая и резкая.

– Ну как? – спрашиваю я, поворачиваясь к Веронике.

Она окидывает меня взглядом, довольно кивает:

– Отлично. Вылитая Уэнсдей. Такая же холодная, расчётливая стерва, от которой все без ума.

Да уж. Кто, интересно, учил Веронику говорить комплименты? И найдётся ли такой смельчак, который расскажет ей, что у неё это не очень получается? Этим смельчаком точно буду не я.

– Только улыбаться не вздумай, – напутствует подруга, поднимаясь из кресла и направляясь к выходу из комнаты. – А сейчас – бегом! Нас ждут коктейли и парни в костюмах

вампиров.

– Ты уверена, что это то, о чём стоит отзываться с восторгом? – спрашиваю я, и подруга фыркает.

– Ну хорошо, я надеюсь, что Толик Серебряков со второго курса не наденет белую, распахнутую на груди рубашку, меня стошнит. А вот Димочка Логинов... – она мечтательно закатывает глаза, мысленно смакуя образ самого красивого парня на факультете, – пусть приходит вообще без рубашки.

– Ты неисправима, – говорю я и чувствую, как настроение заметно улучшается. Вероника в кого угодно способна вдохнуть жизнь.

Марта не выходит нас провожать. Из третьей комнаты, отведённой под студию, уже доносится неспешная восточная музыка – тягучие звуки уда, перемежающиеся с тихим звоном подвесок. Пахнет масляной краской и чуть-чуть скипидаром – тётя уже за работой. Я кричу в сторону приоткрытой двери, повышая голос, чтобы перекрыть мелодию:

– Март, я ушла!

В ответ раздаётся напутствие, чуть насмешливое, но тёплое:

– Не шалите там!

И следом такой знакомый, чуть хрипловатый, заразительный смех. Марта в юности сама любила пошалить. Да и сейчас не отказывает себе в удовольствии, просто теперь её приключения на холстах.

Надеваю длинное чёрное пальто. Оно тяжёлое, шерстя-

ное, с большими пуговицами. Достая из рукава длинный серый шарф, пушистый, мягкий, и несколько раз оборачиваю вокруг шеи, пряча подбородок. Шапки терпеть не могу – давят на виски и портят причёску, но после болезни рисковать не хочется. И так чудо, что не схватила воспаление лёгких после того купания.

Пока мы спускаемся по лестнице с третьего этажа нашей сталинки, шаги гулко отдаются в пролётах, где-то внизу хлопает дверь. Вероника на ходу тыкает в телефон, вызывая такси. На площадке между вторым и первым она спотыкается на секунду, но удерживает равновесие, не отрываясь от экрана.

– Через десять минут подъедет, – объявляет она, когда мы выходим из подъезда, и сразу начинает подпрыгивать, переминаясь с ноги на ногу. – Долго ждать. Суббота, вечер, трафик плотный, видимо.

– Ты чего? – Я удивлённо смотрю на неё. На Веронике короткая белая курточка, лёгкая, явно не по погоде, и высокие ботинки на толстом протекторе. Юбка под курткой топорщится розовой пачкой.

– Холодно! – жалобно тянет она, продолжая прыгать. Капюшон сползает на глаза, она смешно пытается откинуть его, дёргая головой, но тот снова падает. Сейчас подруга похожа на насупленного гнома в розовой пачке. Сердитого, но очень симпатичного.

Странно, мне, наоборот, кажется, что на улице тепло. Воздух влажный, мягкий, пахнет прелыми листьями и мокрым

асфальтом. Я даже жалею, что так накуталась.

Минут через пять, когда Вероника всё ещё скачет, я стаскиваю шарф с головы и оставляю его просто свисать. Подруга смотрит на меня круглыми глазами, как на умалишённую, но молча стучит зубами. А я не понимаю, всю неделю дома, наоборот, мёрзла, словно внутри меня гигантская ледышка.

Подъезжает такси, и мы забираемся в салон, где тепло и уютно. Вероника блаженно выдыхает.

– Терпеть не могу промозглую осень, – жалуется она. – Мёрзнешь сильнее, чем зимой. Скорее бы пошёл снег!

Хмыкаю в ответ, хотя, пожалуй, склонна согласиться с Вероникой. Я тоже зиму люблю значительно больше, чем межсезонье.

Клуб, где наши собираются отмечать «Тыквенный день», находится почти на другом конце города, за мостом. Едем мы минут тридцать, и всё это время Вероника сидит, вжавшись в сиденье, стучит зубами и пытается согреть дыханием ладони. Я смотрю в окно, но, когда впереди начинают мелькать стальные опоры, отворачиваюсь и утыкаюсь взглядом в спинку переднего сиденья. Мысленно сжимаюсь, пальцы сами собой вцепляются в край пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.